

Диалог Алфреда Калныня и Райниса в сольных песнях

На этом концерте сам выбор песен, а также построение программы позволили глубже ощутить результат синтеза искусства композитора и поэта, то новое качество, которым отличается каждый период творчества Алфреда Калныня.

Герман Браун, готовя программу, взял на себя при этом тройную ответственность: за выступление солистов, за виртуозное исполнение фортепианных партий, а главное — за этические ценности этих сложных сочинений. Выделить их и в глубинах содержания, и в симфонизированной инструментальной ткани многих песен, в грусти и даже трагизме — это была задача, которая по плечу только таланту при огромном опыте. Г. Браун обладает всем этим с избытком, и он вел программу, подобно искусному дирижеру в многоактной музыкальной драме.

Кульминация этой драмы — «Пять песен памяти Райниса» — была в художественном отношении наиболее убедительным моментом. За это снова спасибо Илге Тикнусе. Погружение в извечные вопросы человеческой жизни и смерти, которые всегда являются источником трагизма в произведениях искусства, здесь соединилось еще с щемящей скорбью автора музыки об утрате поэта. Художественного впечатления солистка достигает постепенно — добиваясь с каждой следующей песней все более убедительных серо-черных контрастов и при создании их как бы оставляя позади психологическую тяжесть этой задачи, которую мы ощущаем еще в первой пес-

не «Тот день». Возникает ряд картин, наполненных глубокими переживаниями.

За этой кульминацией в заключение концерта следовал патетический финал — четыре песни в интерпретации Солвейги Раи, все они — сочинения 40-х годов. Широко звучащий голос солистки, большое дыхание оперной певицы и масштабность выступления произвели наибольшее впечатление в написанной в 1946 году песне «Замок света», в основе которой — фрагмент из драмы Райниса «Огонь и ночь». Сложный рисунок этих песен требует и серьезного психологического углубления; довольно длительного, постепенного овладения, поэтому по первому исполнению еще нельзя судить о возможностях солистки в расшифровке сочинения. Во всяком случае, в настоящий момент еще не было достаточной степени зрелости, и несколько наигранная манера исполнения лишь подчеркнула это впечатление. Солистка на сей раз блестяще показала возможности самого голоса, меньше — заключенные в звуках мысль и цельность.

Первое отделение концерта, в котором выступили Карлис Заринь и Ивонна Якобсоне, было в основном посвящено произведениям, написанным на слова Райниса в 1921 году, а также нескольким песням 40-х годов и только одной — 1937 года — «Я иду...». Эта песня выдвинулась во всем богатстве диалогов Калныня — Райниса уже тем, что автор искусно вплет в музыку мелодию на-

родной песни «Вей, ветерок!», причем сделал это с большим мастерством. Радость возвращения на родину после длительного отсутствия выражена как волнующее свидание с полями Латвии, со знакомыми дорогами уголками Риги и с вечной песней лодочника Даугавы. Со светлым ликованием прозвучало все это в исполнении И. Якобсоне. И в «Песне девушки», и в «Вести синички» певица получила благодарный звуковой материал для выражения светлой лирики, а в песнях «Каждый вечер падала звезда» и «Весенним утром» мы ощутили и оттенки скрытого драматизма.

К. Заринь на сей раз интерпретировал только лирику 1921 года, в которой пластическая мелодия соединилась со схваченным в современной манере гармоническим языком и очень насыщенным сопровождением. В безошибочном исполнении К. Зариня, наполненном и контрастами, и нюансами, вызвало интерес углубление певца в содержание. Хотелось бы только более сдержанного форте в камерной музыке (например, в песне «У тебя смеются глаза» и др.), которое порой нарушает общее настроение.

Диалоги Райниса — Калныня в этом цикле отзывались. Но в будущем они, надо надеяться, займут о себе еще не раз в нашей музыкальной жизни и дадут солистам возможность до конца ощутить и передать исключительную художественную ценность этих диалогов.